

ПРИЛОЖЕНИЕ

Все что-то спасают, и мы – что-то...

Новая газета, 18.02.2009

Если у России и дальше не будет внятной внешнеэкономической концепции, придется одолжить ее у Канады или Мексики.

Прошлый год последовательно развеял две иллюзии: 1) кризиса в России нет и не будет; 2) кризис в России скоро кончится. Самое время собирать камни, прежде брошенные в экспертов, убеждавших нас в неизбежности больших и негативных перемен. И внимательно изучать сценарии дальнейшего развития кризиса, которые они рисуют для нас. Рубрику «Крах по расчету» открывает интервью с экономистом Игорем Лавровским, предсказавшим обвальное падение нефтяных цен еще в 2006 году.

Экономист Игорь Лавровский – директор консалтинговой компании «Контакс», преподавал в Карлтонском университете (Канада), консультировал Конгресс США, работал в российских компаниях и в центральном аппарате партии «Единая Россия». Столь богатая биография позволяет ему с равновысокой компетентностью судить о том, какая ситуация сейчас сложилась в мировом хозяйстве, а также в экономиках США и России. Как это ни печально, его прогноз в отношении наших перспектив – самый мрачный.

– Игорь Камилевич, для Вас, в отличие от нашего правительства, кризис российской экономики неожиданностью не стал: о его приближении вы начали писать еще в конце 2006 года.

– Нынешний кризис российской экономики с неизбежностью вытекал из динамики инвестирования в мировой топливно-энергетический комплекс. Выводов из своих исследований я ни от кого не скрывал, они опубликованы, но у нас крайне невосприимчивая интеллектуальная среда. Пока гром не грянет, никто не верит. Наше правительство всё еще не понимает, что для экономики России кризис ликвидности и наличности – это важно, это, может быть, даже для кого-то прибыльно, но

не это главное. Для российской экономики нет ничего страшнее потери рабочих мест.

Ведь надо понимать, какая экономика существует у нас сейчас в России. Когда в 1991 году был закрыт Госплан и исчез крупнейший заказчик в стране – государство, без работы осталось огромное количество людей. Трудоустранивали они себя сами. На обслуживании экспортно-импортных потоков возникла гигантская индустрия. И сегодня миллионы людей по-прежнему заняты в этом неорганизованном частном секторе. Идеологам антикризисной политики нет дела до этого сектора экономики и этих людей. Некоторые считают: прихлопнет их кризис и ладно – разбегутся, как тараканы. Но так не получится. В отличие от 1991 года им некуда бежать. Эти люди достаточно активны. Их недовольство ситуацией может привести к самым тяжелым политическим последствиям. Это серьезная проблема. Компенсировать ее можно только массовым созданием рабочих мест.

– Как долго продлится кризис в России и США? Чья антикризисная политика окажется эффективнее?

– Сравнить антикризисные политики России и США – это сравнивать стратегии выживания толстого и тонкого. То, что происходит в Штатах, и то, что происходит в России, – разные вещи. Россия – пассивный участник кризиса, Америка – активный. Естественно, стратегии должны быть и будут разные. У правительства России две, как сегодня говорят, опции: или договориться с активным участником, чтобы Россию вписали отдельной строкой в план спасения, или максимально изолировать Россию от влияния активного участника. Ситуация безвыигрышная. О сроках. Кризис в России будет дольше, чем предполагают пессимисты. Я думаю, не менее 3–5 лет хотя бы потому, что из российской экономики извлечены настолько большие ресурсы, что восполнить их быстро не удастся. Штаты же начнут выкарабкиваться к концу этого года.

– Какие меры необходимо предпринимать, чтобы если уж не ускорить процесс выхода из кризиса, то хотя бы обойтись меньшей кровью?

– Для начала нужно понять, чего мы хотим и куда хотели бы в результате прийти. Сегодня экономические действия российского правительства полностью мотивированы внешними силами и достаточно безыдейны. Мы почему-то развиваем сферу услуг, а почему развиваем – не знаем. Мы зачем-то начинаем строить экспортные трубопроводы во все стороны и одновременно хватаемся за нанотехнологии. Это что, какая-то стратегия? Нет, стратегии нет. Вот и рубль мы спасаем по аналогии:

все что-то спасают – и мы спасаем. Нет своих программ. Одна из причин – отсутствие российской экономической науки как явления. Есть лишь отдельные экономисты.

В нашей науке та же беда, что и во многих других отраслях знания и практики – поколенческий и мировоззренческий разрыв. На стороне экономической мысли – оторванные от жизни умы с разрушительным опытом неудач, а на стороне экономической практики – специалисты, полностью заикленные на решении каких-то прикладных задач. Типичный пример – действия наших финансовых органов во главе с Кудриным. Они решают чисто практические задачи. Связную финансовую стратегию они, по-моему, даже никогда не пытались выстраивать. Логичной внешнеэкономической стратегии нет. Это общая ситуация с нашими экономическими агентствами. Они мыслят на один ход, не зная, что будет и что делать дальше.

– *Кризис как-то сможет изменить ситуацию?*

– Только если произойдет замена игроков. Если останутся те же люди, все будет, как всегда, – они необучаемы.

– *После первых антикризисных вложений было решено дать банкам еще денег и проследить, чтобы они дошли до реального сектора. Это вообще возможно?*

– А кто будет следить, чтобы они дошли? Таких специалистов нет. У нас же все время идет дурацкая борьба с бюрократией. На самом деле это была и есть борьба с мозгами. Мы считаем, что бюрократы, наш «мозг» – очень нехороший орган, который требует слишком много крови, сахара и т.д. И вот мы его уменьшаем, и оказывается, что одна функция отмирает, вторая, третья. С точки зрения затрат советская система управления была суперэффективной. Она была дешевле совсем миниатюрной японской. Все европейские и американские бюрократии были и есть мощнее и гораздо дороже. В результате на Западе есть специальные обученные люди, которые в состоянии проследить, как тратятся деньги. Вам любой банкир скажет, что для того, чтобы проследить за расходом 1 миллиарда долларов, надо затратить миллионов 10. Хорошо, мы бухнули на поддержку «системообразующих» отраслей и предприятий 30 млрд долларов. А мы затратили 300 млн, чтобы проследить за тем, как это расходуется? Не затрагивали. Чего ж удивляться, что эти 30 млрд в результате куда-то улетают?

– *Вот Внешэкономбанк сейчас планирует заняться инфраструктурными проектами и обращаться к ним за рефинансированием просит в случае, если другие банки отказали...*

– Печальное свидетельство гражданской решительности и профессиональной некомпетентности. В какую инфраструктуру? В дороги? А вы уверены, что вам будет что возить по этим дорогам? В каком количестве, какого качества, какая грузоподъемность?.. Посмотрите на Москву. Казалось бы, куча денег сюда вложена. Третье кольцо уже не справляется. Что дальше будете делать? Четвертое кольцо строить? Потом пятое, шестое... Получается, что заработанная международная ликвидность идет на строительство дорог, откуда изъять эти деньги мы сможем только лет через 50. Тем самым мы лишаемся ликвидного резерва – на полвека.

– А как бы Вы оценили выбранный темп ослабления рубля? Что лучше: плавная или резкая девальвация?

– Надо было двигаться осторожно, но быстро, привлечь экспертов по денежному обращению, может быть, отсечь внутреннюю систему на какое-то время от доступа к внешним рынкам, сократить возможности больших спекулятивных перемещений и, возможно, дать рублю падать относительно свободно.

Ведь оставшиеся ликвидные государственные средства – как кислород для аквалангиста. За то время, пока не кончился кислород, нужно доплыть до другого кислородного шланга. Поэтому тратить их на сиюминутные задачи просто нельзя.

– Что касается нефти. Падающая цена на нее укрепляет американский доллар, что до поры до времени тоже не очень уж благоприятно для США. Действительно ли главную роль в корректировке цен на нефть играет Америка, и какова роль ОПЕК?

– Цена на нефть регулируется в основном собственными инвестиционными программами США. Обычно, когда Америка заканчивает бурить у себя дома, цены падают. Штаты командуют Саудовской Аравией, Саудовская Аравия командует ОПЕК. Так что роль ОПЕК – сохранять дисциплину на рынке.

Доллар же укрепляется потому, что никто не верит своим национальным правительствам. Ситуация получается парадоксальная: кризис пришел из Америки, но тем не менее все верят, что Америка их вытащит. И это правда.

А нас впереди ждут лет 15–20 низких цен на нефть и газ.

– Как, на Ваш взгляд, будет выглядеть мир после кризиса?

– Я думаю, что в результате возникнет крупнейшая экономика мира. Это будет экономический альянс Штатов и Китая. Все остальные пре-

вратятся в мелочь по сравнению с ними. Сейчас США временно уткнулись в стенку. Впервые в истории они почувствовали конечность долларовой емкости мировой экономики. Когда развалился Восточный блок, они приняли политическое решение об экономическом захвате оставшейся половины мира. И долларовая накачка продолжалась, пока все рынки не оказались вовлечены в долларовое обращение. Впервые в истории возник единый мировой финансовый рынок. Американская Федеральная резервная система превращается в мировой центробанк.

Взаимозависимость же Америки и Китая стала просто сумасшедшей. И конкурентоспособность американской экономики сегодня напрямую зависит от уровня жизни китайских трудящихся. Штаты с Китаем должны договариваться по поводу того, какими темпами будет их благосостояние расти. Для Америки было бы лучше, если бы каждый китаец сразу получил по автомобилю и медицинской страховке с пенсией. Тогда вся китайская продукция стала бы дороже, а США вздохнули бы спокойно.

Формирующийся американо-китайский монстр отнимет у России какие-либо шансы на какую-либо гегемонию и поставит перед выбором между канадской и мексиканской моделями развития: то есть стать сырьевым придатком с богатым населением (канадский путь) или с бедным населением (мексиканский вариант). В этом, похоже, и будет заключаться наш послекризисный политический выбор.

Беседовала Анна Овян

Экономист Игорь Лавровский о крахе капитализма, новых рабах и саммите G-20

Новая газета, 26.03.2009

Несмотря на то, что из финансового кризиса США выберется быстрее всех и с меньшими потерями, президент Барак Обама ясно понимает необходимость планирования этого выхода и продолжает придерживаться курса дальнейшего развития страны. Это совершенно четко отражается в подготовленном Обамой антикризисном плане. Тем временем российские власти не торопятся разрабатывать программы спасения страны. Пока что у нас сформулированы только размытые предложе-

ния к предстоящему саммиту G-20. Среди этих предложений: принятие международных стандартов в области макроэкономической и бюджетной политики; принятие международного соглашения, определяющего глобальные стандарты регулирования и надзора в финансовом секторе; создание наднациональной резервной валюты; повышение финансовой грамотности населения; концепция энергоэффективного роста.

О том, как эти предложения встретят представители «Большой двадцатки», что не хватает плану Обамы, как реальность совпала с прогнозами Маркса и почему о свободном рынке можно забыть, в интервью «Новой» рассказал Игорь Лавровский.

– Когда читаешь антикризисный план Барака Обамы, создается впечатление, что это просто новая программа нового президента, направленная на развитие страны. Четкий план, где все продумано фактически до цента, полон воодушевления и оптимизма, как будто и нет кризиса. А какие, на Ваш взгляд, недостатки плана Обамы можно выделить?

– Не хватает негативных стимулов. Вот один пример. Чтобы быстрее выйти из кризиса, Обаме надо сказать: «Ребята, вы должны старые автомобили сдать и купить новые». Автопром уже готов выпустить новое поколение машин с низким потреблением топлива. Мешают миллионы старых автомобилей, все еще не отправленных на свалку. И так по всей промышленности. Если старое оборудование начнут карать материально, это ускорит замену.

– А что конкретно уже начала делать Америка?

– Во-первых, спасли банки. Много денег влили в проблемные отрасли, в частности, в автомобильный сектор. Идет сильное давление на получателей господомощи. Компании долго не обновлялись – ждали, когда государство даст им денег на модернизацию. Это издержки американского социализма. Наконец, стало понятно, что есть предел: никто не хочет, чтобы они утонули, но полностью проехаться за казенный счет не получится.

Я недавно читал комментарий американского консультанта Роба Эндерли, который сказал, что очень сожалеет, что Америкой управляет не компьютерная корпорация Intel. Он считает, что Intel лучше управляет собой и рынком, чем администрация США. И я с ним согласен. В том, как работают самые развитые отрасли, содержится ответ на вопрос, как будет работать экономика будущего. Что же они делают? Intel занимается планированием – они знают, что их чип с такой-то произво-

дительностью сейчас обслуживает 90% рынка. И уже готов новый чип, который через десять лет также будет обслуживать 90% рынка. Поэтому через пять лет корпорация начинает массовую рекламную кампанию и потихоньку прекращает производство старого чипа, заменяя его новым. И никаких кризисов. У нас же экономика воссоздана по образцу примерно 1913 года. Нет никакого планирования.

– *У нас нет и настоящего антикризисного плана...*

– К сожалению. Было бы идеально сесть и разработать программу, набрать людей, заново обучить. Но на это нужны огромные деньги, и главное – понимание необходимости этого. А если государство считает, что предел мечтаний – сбалансировать выпуск денег, мы ни к чему не придем.

...Современный западный капитализм – это всего лишь лейбл, который не соответствует начинке. И тот, кто верит в лейбл, не понимает суть начинки.

– *А как Вы назовете нынешнюю систему?*

– Придуманно много эвфемизмов – смешанная экономика, социальная рыночная экономика, государство всеобщего благоденствия – лишь бы не назвать социализм социализмом. Ведь никакого капитализма с невидимой рукой рынка давно нет. Реальность совпала с прогнозами Маркса. Действительно, настал кризис, который уничтожил капитализм. Это не нынешний кризис – это был кризис 1929 года.

Но в двух важных тезисах Маркс ошибся. Он описал смену формаций как последовательный процесс, а потом это политизировали. Но политические перевороты не связаны с экономической революцией. Сталин управлял страной, как Генри Форд, а «Юнайтед фрут» вела себя в Латинской Америке, как Берия в Сибири. В сходных обстоятельствах возникают сходные формы организации. И рабовладельческий строй никуда от нас не ушел. Прогресс истекших двух тысяч лет – теперь рабы продаются не на 24 часа на 7 дней в неделю, а на 8 часов на 5 дней в неделю. Старые экономические отношения по-прежнему существуют – человечество ничего зря не изобретает, – но над ними появляется что-то новое, формации не сменяют друг друга последовательно, как думал Маркс, не выдавливают друг друга, а нарастают друг на друга слоями. Стоит разрушиться социальной организации, как изнутри начинают лезть старые, казалось бы, давно ушедшие слои. В 1990-х годах в России снова расцвел родовой строй, появились аналоги древних банд охотников, феодалы и вассалы.

Вторая ошибка Маркса – вера в то, что экономический прогресс автоматически решает социальные и политические проблемы. Но оказалось,

что смена формации породила не новый «золотой век», а целую кучу антагонистичных национальных социализмов. Революция заключалась в том, что в государстве появлялся центр планирования. Все возникшие после 1929 года экономики однотипны. Главную роль в развитии экономики стал играть госзаказ, будь то США, Советский Союз или Германия. Все они стандартизировали труд. Все эти формы социализма предельно милитаризованы, потому что, выступая в качестве заказчика, государство в первую очередь заказывает оружие. Они принципиально не могли ужиться друг с другом. Того, что вместо всеобщего мира социализм устроит всеобщую войну, Маркс не предвидел. Первой из списка конкурентов вышибли Германию, затем сошел с дистанции СССР, и остались одни США. И вот тут причины нынешнего кризиса.

– *А как же теория свободного рынка?*

– Реальные рынки так себя не ведут. Они развиваются, только если расширяются. Сначала новый рынок растет, потом происходит обвал, а затем рынок входит в фазу стабильных колебаний. С этими циклами экономисты борются с тех пор, как их заметили. И Европа в этом преуспела. Своей политикой они научились гасить колебания рынка. В результате европейские страны добились остановки экономического роста.

Американцы, столкнувшись с той же проблемой в конце 1960-х годов, пришли к противоположным выводам. Они поняли, что если гасить волны, прибыль исчезает, а с ней и инвестиции. Они стали вливать максимум денег в растущие рынки, усиливая колебания. А негативные последствия компенсировали ускорением перетока денег между отраслями. Они регулярно проделывают это с нефтью. Они надули гигантский «пузырь» в секторе IT, что осудило большинство наших экономистов. Но если посмотреть, что осталось от лопнувшего «пузыря», мы увидим, что IT-рынок монополизирован американцами по всему миру.

А как устроен так называемый свободный рынок в США? Что может быть более частным, чем частный магазин? Но в Штатах существует две тысячи сетей, объединяющих сто тысяч (!) отдельных магазинов. Это крупные корпорации. Если кто-то хочет открыть магазин, он покупает франшизу даже на мини-лавку, долларшоп какой-нибудь. На полностью собственный магазин никто не даст кредит, риски будут огромные. Выживают и развиваются в Америке только те, кто работает на корпорации.

Еще пример. В США 170 тысяч заправочных станций, из них только 8% принадлежит неорганизованным частным лицам. Где-то в Аризоне,

конечно, может сидеть какой-нибудь частный бедолага один в пустыне и заправлять три автомобиля в день, и никто ему этого не запретит. Все остальные заправки принадлежат крупнейшим корпорациям, которым в прямом смысле подчиняется частный бизнес. При этом они нормально существуют – плановое хозяйство снимает с них риск.

– *Что Вы можете сказать по поводу предложений России к апрельскому саммиту «Большой двадцатки»?*

– После распада СССР в результате надувания долларовых «пузырей» США завладели мировой финансовой системой, а Федеральная резервная система является уже ничем иным, как всемирным Центробанком. Исходя из предложения Медведева с Путиным создать под эгидой ООН и «Большой двадцатки» еще один всемирный Центробанк с новой валютой, Америка должна вернуться в состояние 1945 года.

В начале эпохи Горбачёва экономика СССР была по крайней мере вдвое больше китайской. Был предмет для торга с Западом – можно было встроить свою систему в их, интегрироваться и получить что-то ценное в процессе обмена...

В способность России к новому большому скачку верится все меньше и меньше. Оптимальной стратегией с учётом реальной ситуации, на мой взгляд, было бы постараться правильно спрогнозировать послекризисную мировую конфигурацию и уже сегодня начинать торговлю с будущими мировыми лидерами за свое место под солнцем. О свободной торговле при этом можно забыть. Речь может идти только о включении в чужой план. Желательно отдельной строкой.

Беседовала Анна Овян

Игорь Лавровский: Вытащить страну из кризиса можно сетями

Известный экономист предложил собственный план переустройства России.

Новая газета, 29.04.2009

«Новая» продолжает на своих страницах обещанную премьер-министром общественную дискуссию вокруг подготовленной правительством программы по выходу страны из кризиса. Нашим очередным

собеседником стал экономист Игорь Лавровский – директор консалтинговой компании «Контакс», преподавал в Карлтонском университете (Канада), консультировал Конгресс США, работал в российских компаниях и в центральном аппарате партии «Единая Россия». Правда, он сразу предупредил, что разговор пойдет не столько о правительственном документе, сколько о его собственном плане посткризисного переустройства России.

– Я внимательно прочел антикризисную программу правительства. Похоже на то, как если бы человек вдруг потерял работу и на него навалилось множество разных проблем – надо заплатить за газ, свет, парковку и прочее. И вот он, исходя из своих сбережений, распределяет деньги так, чтобы подольше сохранить свою текущую кредитоспособность. Но главная проблема не решается: у него как не было работы, так и нет. Мы можем выполнять эту антикризисную программу, она будет поддерживать нас какое-то время на плаву, но считать, что стройка в Сочи окажет заметное влияние на экономику страны, – это иллюзия. Потому что на один Сочи приходится тысячи городов, находящихся в ужасном состоянии. Отдельными точечными проектами экономику из такого кризиса не вытащить. Самые тяжелые последствия мы начнем расхлёбывать следующей зимой. А с занятостью никаких просветов не видно.

Многие любят говорить, что Россия – богатая страна. Но наличие сверхбогатых людей ни о чём не говорит. В Каире, например, есть самые дорогие квартиры в мире, в которые можно подняться в лифте на машине. Но огромное количество народа живет там в древних склепах. Там самые оживлённые кладбища в мире. Богатейшие люди живут в Мексике и в Индии, но разве это богатые страны?

– *Самым распространённым инструментом сравнения успехов разных экономик считается ВВП на душу населения. Он в последние годы в России рос достаточно быстро, но в основном за счёт сырья. Из каких еще источников может питаться благополучие нашей экономики?*

– Россия имеет огромную территорию, соответственно, огромные издержки, но производит она очень мало. По ВВП мы, благодаря ценам на нефть, доросли примерно до Италии. Но до этого мы находились где-то в районе Нидерландов. Многие говорят о том, что надо убрать госрегулирование и дать волю частному бизнесу. Но покажите мне этот частный бизнес! Где он и откуда возьмется? Я хорошо знаю, как функционирует и российский, и западный частный бизнес. За успехи, которые

имела российская экономика в 1990–2000-х годах, а именно: насыщение потребительского рынка, освоение высокотехнологичных сфер типа сотовой телефонии, – надо благодарить западные корпорации. Мелкий бизнес существует у нас постольку, поскольку он работает на западные корпорации. Поэтому уничтожение госрегулирования приведет к тому, что в России будет действовать только иностранное госрегулирование.

Представьте: для того чтобы нам стать хотя бы втрое беднее Америки, наша экономика должна увеличиться в три раза. И что – Медведев, Путин, Мау, Гайдар, кто-то нам говорит, как это сделать? Они не скрывают этого, они не знают. Но это не значит, что это невозможно. Я считаю, что сейчас экономическая политика совершенно неправильно сфокусирована. Неправильные приоритеты установлены. Во многом это старые болезни русской интеллигенции, играющей на самом деле огромную роль в определении российской политики, – максимализм и идеализм. Да, внутренняя политика определяется у нас «Единой Россией», ментальностью среднего госчиновника. Но что касается экономической политики, там никакой «Единой Россией» и не пахнет. Это СПС. И Кудрин, и Набиуллина могут легко вступить в эту партию, и они окажутся на своём месте. Здесь мы имеем огромный разрыв между верхами и низами, между политикой и реальностью.

– В последние годы хотя бы на уровне деклараций речь идет о построении в России инновационной экономики. Понятно, что пока почти ничего не сделано. А есть ли вообще возможности для прорыва в этом направлении?

– Инновационная экономика у нас пока еще не вымерла только в оборонной промышленности. А последнее достижение мирового класса, которое продемонстрировала Россия, относится к 1965 году, когда Алексей Леонов вышел в открытый космос.

Большинство людей, умно рассуждающих об инновационной экономике, не понимают процесс НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы). Результат наших вложений в нанотехнологии, может быть, будет, а может, и нет, только лет через 10. Это будет не что иное, как подготовка специалистов для Запада за счет России. Я читал заметку про одну математическую школу, где они с гордостью пишут о том, что их выпускники работают в Бостоне, Израиле и т.д. Но, извините, школа эта существовала за счёт российского бюджета. Почему США не платили за подготовку этих людей, почему Израиль не платил?

Мы не встроены в существующую западную систему НИОКР, и своей у нас тоже нет. Но главная проблема сейчас не начать вдруг произ-

водить что-то, что может удивить весь мир, а сокращение разрыва между нами и западными странами в области «обычной технологии». У нас древние заводы, не хватает нормальных бытовых сетей, до сих пор не преодолены последствия реформ 90-х годов, причём здесь продолжает сказываться негативный эффект моей собственной концепции.

– *Простите, о какой концепции идет речь?*

– Когда Ельцин столкнулся с перспективой распада России по образцу СССР, я обсуждал эту проблему с Явлинским и сказал ему, что сохранить стабильность в стране можно только совершенно иной политикой: нужно дать людям столько «суверенитета», сколько они смогут унести. На следующий день Явлинский с Бурбулисом доложили это Ельцину, а тот сказал об этом в Татарстане, и понеслось. В результате острота проблемы распада на уровне Российской Федерации снялась. Негативного влияния региональной политики мы не видели в Кремле вплоть до 1993 года. Благодаря этому Ельцин победил, а Россия без слишком больших проблем преодолела катастрофический системный кризис распада СССР. Американцы сейчас пишут, что Россия выжила потому, что сохранились местные администрации, которые так увлеклись строительством собственного суверенитета, что и не думали куда-то дергаться. Но за это время они успели возвести экономические стены вокруг себя. В 1999 году я написал о том, что пора изменить политику, что самой главной становится проблема восстановления федерального суверенитета. И, кстати, позже Владислав Сурков тоже стал продвигать похожую мысль. Но применили они это уже больше к внешнему миру, чем к внутрироссийской ситуации.

– *Если Вы де-факто автор идеи суверенной демократии, то расскажите, пожалуйста, как она должна работать в экономической плоскости?*

– Проблема экономического суверенитета у нас все еще не решена. Нам необходимо наконец начать строить свой собственный общероссийский рынок. Если будет пойман правильный вектор, перед Россией откроется лет 20–30 очень быстрого экономического роста. В 1988 году я говорил о том, что нельзя трогать госсобственность, а нужно на базе министерств формировать госкорпорации. Но они не в состоянии были этого понять, слишком уж были увлечены идеей экономической анархии. Прошло много лет, и мы видим, что госкорпорации воссоздались. Потому что это экономически целесообразно. Единственный человек, который прислушался тогда ко мне, это Виктор Черномырдин. И Газпром действительно пошел по этому пути. Если бы они этого не сделали, неизвестно, где бы мы были сейчас.

– *То есть госкорпорации – это хорошо?*

– Если они нормально управляются, это прекрасно. У нас они управляются не хуже частных, потому что там работают одни и те же люди. Проблемы возникают, когда возникают монополии – не важно, частные или государственные.

– *Понятно, что монополии – это тормоз. В качестве мотора же Вы назвали массовое распространение «обычной технологии» по всей стране. А кто должен управлять этим процессом?*

– Мы не растём, пока не производим сами. Двигателем могут стать только крупные компании, которые уже есть сейчас и которые могут стать неизмеримо больше. Но это не Газпром, не нефтяные компании. Это сбытовые сети. Не надо привязывать страну к сырью. Надо сделать ставку на народное потребление.

Нужно помочь тем, у кого есть возможности развиваться, тем, кто действительно вырос в 1990–2000-е годы и имеет потенциал дальнейшего роста. Я недавно разговаривал с одним умным человеком, который сказал мне: «Но ведь это очень неприятные люди». Новые русские тоже были очень неприятные люди. Но благодаря их неприятности в России сохранились российские компании. Я помню тот момент, когда любое здание в центре Москвы можно было продать или купить за 2–3 миллиона долларов, – все могло быть скуплено, как в странах Восточной Европы, у которых нет своих банков, своей промышленности. Эти же неприятные люди наладили торговлю от столиц до последних деревень, благодаря чему мы не померли с голоду.

Пока мы резко не поднимем уровень жизни в стране, пока мы не научимся производить для себя самые простые вещи, у нас ничего не будет. Ни нано-, ни макро.

– *До последнего времени сбытовые сети больше стимулировали импорт, чем внутреннее производство. Почему Вы думаете, что сейчас ситуация изменится?*

– Именно здесь должно сыграть свою роль государство. Есть такие простые механизмы, как требование локализации продукции. Например, можно крупной сети сказать, чтобы она открыла какое-то количество своих магазинов, допустим, в Нижегородской губернии, на что ей дадут кредит с нулевой процентной ставкой и, может быть, не будут брать налогов года три. Но в обмен эта сеть должна будет выйти за пять лет на то, что 40% продаваемой продукции будет производиться самой

Нижегородской областью, еще 30% сеть будет закупать у других российских производителей, а остальное – откуда угодно.

Наличие договора с властью снимет с проекта инвестиционный риск. Можно смело выпустить ценные бумаги, так как отвечает за это конкретный владелец сети. Возникнет ситуация, когда федеральные сети, распространяясь по стране, будут создавать занятость в регионах. А если в какой-то области нет электричества, воды, газа и т.п., то придется и этим заниматься. Значит, возникнет платежеспособный запрос на строительство инфраструктуры. Причём он вытекает не из потребности экспорта, не из чьих-то умозрительных представлений, а из конкретного запроса конкретных компаний, которые экономически в состоянии свой запрос подтвердить. И получится, что инфраструктура вытаскивается внутренним спросом, при этом создавая большое количество рабочих мест. Нас всё время призывают строить голую инфраструктуру, считая, что там что-то возникнет. Но так не бывает. Я рад, что нашим сверхпрогрессивным деятелям не удалось ухлопать золотовалютные резервы страны на строительство дорог в никуда.

Экономический рост – это распространение организационных моделей. Советская модель была проста и понятна, шомполом продавлена на всю страну. Сегодня она свободно догнивает.

– *А новой организационной модели в России сейчас вообще нет?*

– Локально она есть. Именно у крупных ритейлеров и оптовиков. Они уже начинают подгрести под свои потребности местную промышленность. Но без государственной поддержки им на это понадобится 100 лет. А если им сейчас предоставить госгарантии и составить крайне благоприятный план экспансии по всей стране, они осуществят это за 15 лет. Мы сможем планировать развитие России, как огромного гипермаркета. Мы уже сейчас знаем, какое нам нужно продовольственное снабжение, какая нам нужна бытовая химия, одежда, обувь, мебель и т.д. И мы знаем, кто умеет поставлять эти вещи.

– *Вы сейчас представили вполне реальный план, как нам построить эффективную экономику, бороться с безработицей и развивать регионы, чего не слышно ни от одного чиновника. Почему вы не обсудите это с Эльвирой Набиуллиной или не напишите письмо президенту?*

– Пусть они прочтут это в вашей газете.

Беседовала Анна Овян

Таланты, вперед!

Новая газета, 30.10.2009

Пока в России не возникнет меритократия, то есть выдвижение людей по таланту, а не по выслуге лет, наличию дипломов и личной преданности, никаких Биллов Гейтсов у нас не будет.

Дмитрий Медведев предложил план из пяти пунктов, которые сводятся к трём: развитие энергетики, информационной инфраструктуры и высокотехнологичной медицины. К этому надо бы добавить ранее продекларированную безответную любовь к нанотехнологии. Остается непонятной судьба ранее начатых национальных проектов. Непонятна также текущая позиция руководства России к заявленной пару лет назад концепции «энергетической сверхдержавы».

Тем временем и правительство в лице Эльвиры Набиуллиной и Игоря Шувалова, и «профсоюз экспертов» в лице Татьяны Гуровой объявляют если и не об окончании кризиса, то по крайней мере о его переходе из острой фазы – интересно в какую? В хроническую?

Одновременно выходит акт Ростехнадзора о расследовании причин аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Впервые в российской практике в число лиц, ответственных за происшедшую катастрофу включены чиновники ранее неприкасаемого уровня – от легендарного Анатолия Чубайса до бывших и ныне действующих высших чиновников Минэнерго.

Президент заявил три причины нашей невеселой экономической ситуации. Это вековая экономическая отсталость, вековая коррупция и распространенные в обществе патерналистские настроения.

Двигаясь обратно по списку, мы констатируем, что имеем дело с экономической отсталостью, укоренённой коррупцией, экономически пассивным населением, взрывы электростанций происходят в результате дефекта всей системы управления энергетикой, а не только из-за отдельных сбоев в работе оборудования, всё это усугубляется мировым экономическим кризисом – и предлагается лечиться микроскопическими приборчиками, информационным обменом и экономичными лампочками. Можно уверенно прогнозировать, что эффект будет как в слона дробинкой.

Миф о сильном государстве

Идея инновационного развития не нова. Она точно так же обуревала советских чиновников, как сегодня обуревает постсоветских. Заслужен-

ные академики писали записки в Политбюро с умными рецептами ускорения и перестройки. Страшное наступило, когда эти рецепты наконец начали применять. А потом стали отрываться республики, как сейчас – ротор Саяно-Шушенской ГЭС.

Советскую систему мало кто любил. У каждого была к ней какая-то претензия. Некоторые критиковали систему с модернизаторских позиций – я, например, в то время предлагал не грабить государственную собственность, а акционировать советские хозяйственные министерства и заставить их конкурировать между собой. Но подавляющее большинство революционеров образца 1992 года ненавидели коммунизм за разрушение традиционного общества – «золотого века» 1913 года. Поэтому после 1992 года произошло резкое ослабление государства, приведение его к состоянию атрофированного предреволюционного правительства Николая II. Страна вернулась к феодальной системе организации.

Собственно, демонтаж сталинского абсолютизма начался не в 1992 году, а еще в 1953-м. Распад Союза и феодализация российских провинций стали результатом отката страны на исходные позиции после эпохи бури и натиска.

Восстановление В. Путиным отдельных элементов абсолютизма вызвало отчаянную критику, но альтернативой этому было бы, скорее всего, продолжение распада, но на этот раз уже самой Российской Федерации.

Однако российский федерализм не силен, а слаб. Для защиты бенефициаров реформ создан громоздкий репрессивный аппарат, но он оуклился в вещь в себе, имея собственные источники дохода и свои собственные интересы. Для контроля над регионами была частично восстановлена коммунистическая практика контроля через отдел кадров. Но вертикаль власти не простирается дальше крестца регионального руководителя. Федеральная политика на региональном уровне отсутствует как явление. Ее там просто нет.

Поэтому стенания по поводу коррупции бессмысленны. Коррупция, а точнее бесконтрольность чиновников различного уровня есть прямой результат разрушения абсолютистского государства и возврат системы отношений сюзерен–вассал. Аналогии можно найти при дворе Бурбонов. Методы восстановления абсолютизма тоже похожи. У каждого монарха – своя Бастилия и своя Железная маска.

Но поблагодарить за произошедшее опрощение системы нужно не только чиновников, но и революционный народ, ведомый самой отвязной

в мире интеллигенцией. В результате революции общество всегда оказывается дальше от той точки, куда оно предположительно хотело бы попасть.

Сегодня нет ни ресурсов, ни кадров для нового большого скачка и исправления всей неисправимой системы. Поэтому может сработать только хорошо сфокусированная политика, дающая наглядные и широко воспроизводимые результаты без непомерных затрат.

Диагноз

Можно выделить три, на наш взгляд, главных проблемы текущего момента.

Во-первых, не урегулированы отношения с внешним миром после «холодной войны». Необязательно вливаться в какой-нибудь новый лагерь, но нужно выстроить экономическую политику по отношению к соседям. Наивные надежды на самовсёрашающий рынок нужно оставить. Экономический рост в последнем столетии происходил только в выстроенных государством институциональных условиях и никак иначе. В Штатах это были «Новый курс» Рузвельта, Манхэттенский проект, «Великое общество», сейчас это – план Обамы. В Европе – план Маршалла, Европейское соглашение об угле и стали, соглашения о создании Европейского союза. В Китае – договоренности Мао и Никсона об открытии американских рынков для китайских товаров и т.д.

У нас нет никаких рамочных договоров, планов и договоренностей в области экономического развития. Картель покупателей российских энергоресурсов попытался подсунуть Энергетическую хартию, однако это была нечестная игра в одни ворота. Но никто не запрещает инициировать переговоры с Европой, Штатами и Китаем о гармонизации экономической политики, облегчении транзита людей, товаров и инвестиций. Почему это важно именно сейчас? Потому что, убрав лишнюю ликвидность с рынка и зарегулировав финансы, США неизбежно политизируют инвестиции и страны, не вписанные в общую картину, останутся за дверью на морозе.

Во-вторых, существует тотальный дефицит производственного капитала. Глупо сравнивать Россию с Европой и Китаем. В России плотность населения в 17 раз ниже, чем в Китае, и в 30 раз ниже, чем в Великобритании. Понятно, что развивать страну так же, как делают соседи, невозможно. Плотность капитала в России на порядки ниже, чем в развитых странах, что приводит и к монополизму, и к непомерным процентным ставкам, и к неприемлемому инвестиционному и коммерческому риску. Население необходимо уплотнять. Это означает, что крупные города

должны становиться еще крупнее, а многие мелкие города и деревни, возможно, будут исчезать. Сейчас этот процесс идет в обратном направлении – общественный капитал измельчается, истончается и распыляется.

Накинуть новую инфраструктуру на старую систему расселения невозможно, и не стоит на это растрачивать дефицитные ресурсы. Популистские программы газификации всей страны не приведут ни к чему хорошему. Спасти безнадежные деревни не удастся, а невосполнимые ресурсы будут истрачены. Вместо размазывания ресурсов по стране тонким слоем нужно создать избыток капитала в нескольких точках роста – крупнейших городах и окружающих их территориях.

В-третьих, в России нет достаточного количества людей, способных работать в условиях современной конкурентной экономики. Кадры решают всё. После Сталина в Кремле не стало людей, разбирающихся в том, чем они управляют, и наверху возник толстый слой ограниченно одарённых людей, не способных на достижение высших мировых результатов. Люди, выдвинувшиеся в результате ельцинской революции, уже успели обрасти тромбами в лице надежных и верных товарищей, которые выше своего носа прыгнуть не способны.

Последние несколько лет правительство стремится повысить дисциплинированность чиновников и бизнесменов. Но бывают люди совсем недисциплинированные – как Чичваркин, например, но которые умеют создавать новое. У российской системы отношение к таланту не как к ценнейшему национальному ресурсу, а как к раздражителю. Изобретатели мешают жить. Конечно, можно разгромить «Арбат Престиж». А чем вы его заменили? Вы сами смогли что-то создать, кроме нечестных преференций отдельным компаниям? Пока в России не возникнет меритократия, то есть выдвижение людей по таланту, а не по выслуге лет, наличию дипломов и личной преданности, никаких Биллов Гейтсов у нас не будет. Не будет инновационного общества. Инновации – это талант. Это не поддакивание начальнику и не списывание из учебника.

Наводка на цель

Политика – искусство возможного. У нас же политика – это упорные попытки сотворить невозможное. Как можно решить указанные нами проблемы в обозримое время и обозримыми ресурсами?

Сначала нужно признать очевидное – всю Россию одновременно развить не удастся. Не удастся построить новую Россию на имеющемся инфраструктурном и организационном фундаменте. Например, чем больше денег вкладывается в Москву, тем безнадежнее становится её

модернизация. Скорее рано, чем поздно, настанет момент, когда населению проще будет покинуть город, чем пытаться его заново реконструировать. Качество жизни в городе стремительно ухудшается, и разрыв между заоблачными ценами и посредственным качеством жизни растет. То же самое происходит и в других городах. Вложение денег не приводит к получению нового качества. Российские города продолжают оставаться уродскими советскими городами, правда, теперь с красивыми светящимися вывесками. Такого же эффекта можно было бы достичь без всяких революций и перестроек, проведя в свое время реформу типа венгерской времен Яноша Кадара*.

Я советую президенту не тратить ценное время его президентства на безнадежные попытки «создания инновационного общества», а построить для начала хотя бы один новый город по лучшим западным стандартам и с западными ценами, издержками и качеством муниципальных служб, включая полицию. Иметь один современный город на страну это немного, но... лиха беда начало.

Чего явно не хватает в России – это русскоязычного Миннеаполиса. С якобы «картонными» домами без двухметровых заборов и слоняющихся без дела охранников, с дешёвыми бассейнами и ресторанами, без «крепких хозяйственников», пробок и сумасшедших на дорогах. Где есть нормальный кампус с хорошими аудиториями и оборудованием, со студентами без бриллиантов и криминальных наклонностей, но с желанием учиться, без амбициозных и невежественных «ученых», а с нормальными профессорами международного уровня. Где ночь в отеле стоит 60 долларов, а не 600. С надписями на улицах на русском и английском языках, чтобы туристы и экспаты могли самостоятельно ориентироваться в городе, сближая Россию и окружающий мир.

Дмитрий Анатольевич, постройте кусок Америки в России и направление потока мозгов изменится. Вы будете приятно удивлены, насколько инновационно общество, которое в этом городе соберется. Вы же из Питера, который в свое время и был таким вот русским Амстердамом. Возьмите пример с великих предков – и всё у нас получится.

Игорь Лавровский

* Премьер-министр Венгрии начал экспериментировать со свободным рынком и частным предпринимательством еще в середине 1960-х. Страна достигла невиданного в Восточном блоке потребительского изобилия.